

НАЙДЖЕЛ ДЭВИС

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 930.85
ББК 63.3(0)
Д94

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Инвир Лазарев.

Дэвис, Н.
Д94 Человеческие жертвоприношения: история и современность. —
М.: Тотенбург, 2024. — 394 с.

В настоящей работе Найджел Дэвис прослеживает феномен ритуального убийства людей начиная с доисторических времён и заканчивая новейшей эпохой. В своём исследовании он рассматривает различные теории историков и антропологов, затрагивавших этот крайне интригующий предмет, и развенчивает многие распространённые заблуждения, особенно те из них, что касаются охотников за головами и каннибалов. Фактически в контексте практики человеческого жертвоприношения каннибализм играл сугубо второстепенную роль и, по мнению Дэвиса, никогда не имел широкого применения как способ компенсации хронической нехватки белка в рационе, как считают приверженцы популярной сегодня «диетологической» теории.

Это увлекательное исследование представляет собой одну из первых современных работ, посвящённых тёмной стороне человеческой цивилизации, и охватывает исторические, географические и многие другие аспекты этой крайне неоднозначной темы.

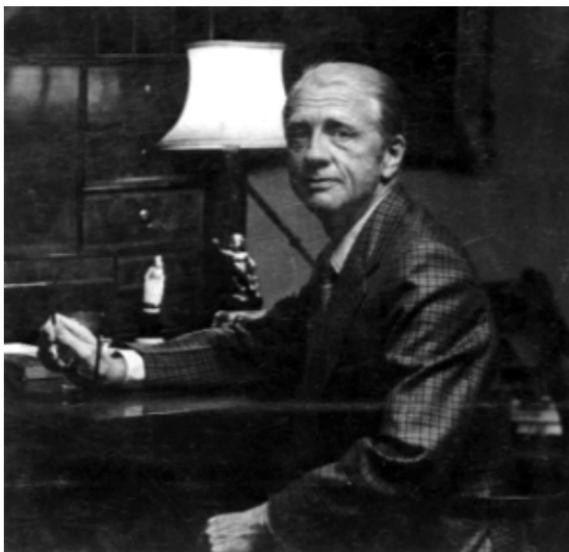
УДК 930.85
ББК 63.3(0)

© Инвир Лазарев,
перевод с английского, 2024
© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ	4
ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА	5
1. ЧЕЛОВЕК, КОРОВА И ОГУРЕЦ	7
2. КОРОЛЯ ИГРАЕТ СВИТА	30
3. ОБ ОДИНЕ И ЭДИПЕ.....	51
4. ВЕЛИЧАЙШАЯ ЛЮБОВЬ.....	78
5. О ПОЛЬЗЕ СТАТИСТИКИ	96
6. УЧАСТЬ ВДОВ.....	135
7. ЧЁРНЫЙ КОНТИНЕНТ	174
8. УЖАСЫ РАЙСКИХ ОСТРОВОВ	225
9. КРОВАВАЯ ДЕРЖАВА АЦТЕКОВ	269
10. ОТ ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ И ОБРАТНО.....	316
11. ИНСТИНКТ УБИЙЦЫ	367

ОБ АВТОРЕ

Найджел Дэвис (2 сентября 1920 — 25 сентября 2004)

Найджел Дэвис — британский антрополог и историк, изучавший культуры доколумбовой Америки; один из немногих исследователей археологии и антропологии, отказавшихся от написания сухих академических работ ради популяризации этой области знания. С 1962 года учёный жил в Мехико, где посвятил себя изучению истории и культуры древних народов Центральной Америки. Найджел Дэвис имеет докторскую степень Лондонского университета и степень магистра Национального университета Мексики. Он написал множество выдающихся трудов по антропологии и истории, а его ранние работы — «Ацтеки» и «Путешественники в Новый Свет» — стали международными бестселлерами. В марте 1980 года президент Мексики наградил Найджела Дэвиса почётным Орденом ацтекского орла за его выдающийся вклад в исследование мексиканской культуры.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Закончив работу над «Ацтеками», я решил, что в своей следующей книге под названием «Путешественники в Новый Свет» мне стоит затронуть более общие аспекты древней американской истории и, в частности, тему человеческих жертвоприношений, которая, несомненно, охватывает весь земной шар. И снова отправной точкой моего исследования стала древняя Мексика, как это было не раз. Я уже был знаком с работами Берналя Диаса, когда впервые поднимался по крутым ступенькам на мексиканскую пирамиду в 1951 году, и поэтому воображение рисовало мне мрачные сцены, происходившие в древности на её вершине.

В то время, как и многие другие, я был склонен воспринимать человеческие жертвоприношения как нечто, присущее главным образом ацтекской культуре. Я полагал, что за её рамками подобные практики были редким явлением для Нового Света, не говоря уже о Старом. Однако по мере углубленного изучения древней цивилизации ацтеков и сопоставления их культуры с традициями других народов ко мне пришло осознание того факта, что подобная жертвенная практика является частью общечеловеческого культурного наследия и следы её могут быть обнаружены на всех континентах и в любую историческую эпоху. В ходе своих изысканий я столкнулся с отсутствием всеобъемлющих современных исследований, посвящённых специфическим аспектам практики человеческих жертвоприношений в различных частях света, не считая ряда узкоспециальных научных статей. Разумеется, тема каннибализма уже освещалась в некоторых монографиях, однако сборники рецептов для приготовления пищи из человеческих останков раскрывают лишь одну из сторон этого весьма сложного феномена.

Когда я впервые заинтересовался этой непростой темой, один мой старый друг, который является извест-

ным антропологом, поделившись со мной множеством ценных советов, тем не менее усомнился в том, можно ли вообще написать подобную книгу: «Как отличить ритуальное заклятие человеческого существа от принесения в жертву коровы или, скажем, огурца?» Ничуть не смутившись, я написал в ответ, что хотя различие тут действительно очень тонкое, объяснить его не составит для меня большого труда. Мне бы хотелось, чтобы читатели по достоинству оценили результаты моих усилий и в конечном счёте признали, что такой оптимизм с моей стороны был оправдан.

Кроме того, я надеюсь, что читательскую аудиторию не отпугнёт обилие кровавых подробностей, неизбежных при рассмотрении этой пикантной темы. Стоит заметить, что вместо того, чтобы заниматься каталогизацией кошмарных деталей, я предпринял попытку дать рациональное объяснение подобному человеческому поведению.

1. ЧЕЛОВЕК, КОРОВА И ОГУРЕЦ

Для древних людей человеческое жертвоприношение было, по сути, актом благочестия, наивысшей формой подношения: все участники этого обряда, включая саму жертву, осознавали, что его было просто необходимо совершить, дабы предотвратить катастрофу космического масштаба и тем самым спасти всё живое на земле. Иными словами, это кровавое действие было скорее призвано сохранить жизнь, нежели её отнять. Этот парадокс лежит в основе древней практики убийства себе подобных с целью поддержания жизненной силы богов.

Очевидно, прежде чем углубляться в тему человеческих жертвоприношений, я должен дать определение этому феномену и указать, к какому виду убийств оно применимо, а к какому нет, что является нетривиальной задачей. Полагаю, нет смысла включать в эту категорию каждую историю о похищении детей, начиная со случая с ребёнком Линдберга, и каждый акт массового истребления людей, от Варфоломеевской ночи до Бухенвальда. Вероятно, в первую очередь нужно ответить на вопрос о том, каким именно целям должно было служить заклятие людей и какие общие принципы просматриваются в обрядах принесения в жертву, идёт ли речь о животных или о людях.

Многие значимые работы по этой теме написаны в первых десятилетиях XX века, когда к её изучению стали подходить более серьёзно. С тех пор этот предмет лишь эпизодически привлекал к себе интерес учёных. Современные исследователи социальной антропологии не хотят лишний раз провоцировать элиту третьего мира, маниакально выискивая подробности того, как чей-то прадедушка высушивал головы пойманных им людей, или рассчитывая термические свойства древесины, используемой, чтобы сжечь чью-то прабабушку заживо. Наиболее достоверным свидетельствам очевидцев, касающимся не теоретических, а практических аспектов

этой практики, как правило, более ста лет, и зачастую их можно прочесть лишь в малоизвестных журналах, старые выпуски которых ещё хранятся в отдельных библиотеках. В частности, множество крайне полезных сведений можно почерпнуть из отчётов британских офицеров, служивших в Индии, или путешественников по Африке, таких как сэр Ричард Бёртон, оставивший великолепное описание королевства Дагомеи, которое достойно восхищения не только благодаря обилию информации, полученной им из первых рук, но и ввиду усилий, предпринятых этим опытным исследователем с целью развенчания наиболее абсурдных домыслов, бытовавших в то время, включая распространённый миф о «жертвенных городах», где якобы бурлили целые реки крови, через которые нужно было переплывать на каноэ. И если разработкой всевозможных теорий, касающихся человеческих жертвоприношений, занимались учёные по всему миру, непосредственных свидетелей этого явления мы чаще всего находим среди англичан — по той простой причине, что британское владычество охватывало и страны, где подобные практики имели широкое распространение, и поэтому подданные британской короны нередко имели возможность лицезреть эти мрачные церемонии в качестве приглашённых гостей. Если же говорить о Центральной Америке, то испанские хроникёры задокументировали множество рассказов людей, наблюдавших за совершением подобных обрядов со стороны, но не принимавших в них личного участия — разве что изредка и сугубо в качестве жертв. Что же касается Средиземноморья, то в этом случае мы вынуждены довольствоваться лишь крайне туманными текстами. Наиболее информативны в этом плане китайские источники.

Несколько современных книг посвящено теме каннибализма, но практически в каждой из них она рассматривается вне связи с ритуальным контекстом, и в результате каннибализм изображается скорее как следствие, а не причина принесения в жертву человеческого существа, из чего можно сделать ошибочный вывод, что последую-

щее поедание человеческой плоти представляет собой практичную альтернативу сожжению или захоронению заживо. Чаще всего в подобных работах интересующий нас предмет рассматривается в несколько специфическом свете, поскольку акцент в них делается на изучении нравов так называемых примитивных народов, практиковавших каннибализм вплоть до самого недавнего времени. Поэтому зачастую такие работы напоминают кулинарные книги, изобилующие рецептами приготовления человеческой плоти, как свежей, так и порядком подгнившей, смотря по вкусовым предпочтениям конкретных участников этого действия. Таким образом, авторы этих книг упускают из виду сущность каннибализма, который является лишь одним из аспектов жертвенного акта и должен рассматриваться в более широком контексте. То же самое можно сказать о недавних работах на эту тему, вызвавших острую полемику в научных кругах. Я имею в виду публикации антропологов Майкла Харнера и Марвина Харриса, игнорирующих ритуальную составляющую каннибализма на том основании, что им якобы удалось «доказать», что главной заботой ацтеков было не задабривание их божеств, а банальное восполнение хронического дефицита животного белка в своём рационе. Соответствующие аргументы будут разобраны в главе 9, посвящённой жертвенным практикам ацтеков. Хотя нельзя отрицать, что мезоамериканцы в некоторых случаях действительно употребляли в пищу человеческую плоть, их мотивация, как мы увидим далее, имела мало общего с нехваткой протеина в диете.

В недавнем разговоре с Майклом Харнером я высказал мнение, основанное на очевидном наблюдении: что ацтеки — исключение; теория о нехватке белка не может быть подтверждена, если её правомерность не будет доказана в других частях мира, где имело место употребление человеческого мяса. В ходе прочтения этой книги читателю станет это совершенно ясно, как и то, что распространённость практики каннибализма, скажем,

в Африке или Океании носит неоднородный характер. Присутствие людоедских практик в одном племени и одновременное отсутствие оных у соседних народностей не может быть объяснено с точки зрения простой «пищевой теории». Более того, как мы увидим, в Индии, где наблюдался хронический дефицит животного белка, человеческие жертвоприношения были обычным явлением, однако там не было каннибализма.

Антрополог Уильям Аренс впал в другую крайность по сравнению с Харнером и Харрисом, полностью отрицая существование каннибализма. Его теория будет рассмотрена в рамках африканских жертвоприношений. Аренс утверждает, что на самом деле такого явления, как людоедство, вовсе не существовало и что все сообщения о подобном основаны на простых слухах. И хотя я первый настаиваю на том, что сообщения миссионеров должны рассматриваться самым тщательным образом, сохранилось слишком много свидетельств очевидцев о случаях каннибализма, чтобы отрицать их, подобно Аренсу.

Многие формы жертвоприношений не связаны с каннибализмом, и в последние годы им уделяется всё меньше внимания, несмотря на определённый интерес к этой теме, который, по всей видимости, порождён воздействием такой уже привычной для современного общества формы насилия, как терроризм. Нередко высказываются мнения о том, что стоит рассматривать это злободневное явление как новый тип человеческого жертвоприношения. В самом деле, случай с похищением и убийством посла, выступившего в роли козла отпущения за предполагаемые грехи других, можно сопоставить с древними ритуальными жертвами, избранными умереть в честь древних богов. Однако я считаю, что ни методы, ни мотивы террористов не относят их жертв к последней категории избранных. Денежный выкуп оскорбил бы древних божеств. Они жаждали плоти и крови, полученных посредством определённого ритуала, без которого дар не имел ни ценности, ни смысла. Действительно, об-

рядовость, религия и человеческие жертвы неотделимы друг от друга. Мы можем определить жертвоприношение живых существ как убийство, имеющее духовную или религиозную мотивацию, сопровождающееся (зачастую, но не всегда) определённым ритуалом. Обычно его совершали в специальном священном месте или в месте, освящённом по этому случаю; при отсутствии храма или в случае первобытных обществ место проведения жертвоприношения могло просто обноситься магическим кольцом, начертанным прямо на земле.

Таким образом, в соответствии с вышеозначенным определением, репрессии Сталина, в ходе которых в ГУЛАГах погибли миллионы людей, не могут быть отнесены к категории жертвоприношения; эти смерти не носили никакого ритуального или же религиозного характера, даже если они и были вызваны идеологией, чьё пренебрежение к человеческой жизни могло соперничать с жестокостью богов древности. Тем не менее, будучи верховным главой марксистского лагеря и хранителем его ортодоксии, Сталин, по факту, являлся императором и понтификом в одном лице. Некоторые из его жертв, те, кто были убиты не в ГУЛАГе, а после показательных процессов, подверглись своеобразному ритуалу, в ходе которого их обвиняли во вредительстве и подрыве авторитета тоталитарного режима.

Аналогичным образом публичные повешения в Тайберне, а позже перед тюрьмой Ньюгейт в Лондоне, продолжавшиеся до середины XIX века, не были жертвоприношениями, даже если имело место соблюдение подобия определённого ритуала на потребу огромной толпы зевак. Жертвы этих публичных казней через повешение были осуждены за преступления против светского государства, и, следовательно, их смерти не вписываются в рамки нашего определения жертвоприношения. Иначе обстоит дело с казнями преступников в древности, ведь отнести их к конкретной категории затруднительно, поскольку во многих обществах, включая римское, престу-

пление против государства автоматически считалось злодеянием против богов, чей гнев можно было унять, только лишив жизни их обидчика. В некоторых африканских обществах каннибалов узников, осуждённых за воровство и убийство, специально откармливали, прежде чем съесть их на ритуальном пиру.

Но, пожалуй, высочайшей формой жертвоприношения можно считать добровольное принесение себя на алтарь человеком, готовым отдать свою жизнь для обеспечения общего блага, хотя описанное применимо не только к пошедшим на смерть по собственной воле. Так, например, к истинным жертвоприношениям можно также отнести обряды, в ходе которых приносилось множество человеческих жертв, чьи черепа впоследствии помещались на возвышении для всеобщего обозрения. Такие массовые убийства, как, например, у ацтеков в Мексике или у африканских племён Дагомеи, были частью строго регламентированного ритуала, который проводился с исключительно религиозной целью. Принцип был тот же, менялся только масштаб события: благосклонность богов покупалась не одной, а сотнями жизней.

Так или иначе, но феномен человеческого жертвоприношения сопряжён с твёрдой верой в существование загробного мира, представляемого в виде более или менее точной копии мира живых. В рамках такой веры подданные были обязаны обеспечить своему усопшему правителю достойное посмертное существование, в противном случае они навлекали на себя проклятие богов. С тех пор как человек впервые научился возделывать землю, не последнюю роль играл страх того, что аграрный цикл с его кульминацией в виде сбора урожая мог быть нарушен, если боги не будут умиловлены высшим даром — человеческой жертвой, которая в некоторых случаях подразумевала даже жизнь царской особы. Древние верили, что если боги не получают положенной им жертвы, солнце спустится в нижний мир и больше не появится на небосклоне. Смена времён года и созревание урожая счита-

лись дарами божеств, от которых произошли земные правители. Таким образом, человеческие жертвоприношения должны были гарантировать поддержание жизненного цикла, его непрерывное продолжение.

В древнейших цивилизациях Ближнего и Дальнего Востока присутствуют все основные формы жертвоприношений: захоронение детей для освящения и защиты зданий, принесение в жертву пленников, утопление невест-девушечек в качестве подношения речным божествам. Однако здесь можно выделить две преобладающие темы: массовое захоронение слуг вместе с умершим правителем и ежегодные подношения богам, от щедрости которых зависел урожай. Данные жертвоприношения приняли гораздо более сложные формы, чем простое захоронение человеческих голов или кусков плоти в полях. Всё в этом процессе служило общей цели обеспечения процветания общества, где правитель выступал проводником божественной власти, и от его благополучия, как в этом мире, так и в загробном, зависела судьба его подданных.

Жертва одного ради блага многих, дабы обрести успех в земледелии, и многих ради одного, дабы обеспечить достойное посмертное бытие усопшему владыке, — средства для достижения одной цели, а именно, поддержание благобытия социума, если не самого его существования. Таким образом, ритуальное убийство людей воспринималось как необходимость, как высшее подношение, без которого само человечество погибло бы.

Независимо от того, шла ли жертва на смерть по своей воле или же нет, важно было продемонстрировать хотя бы видимость её готовности к этому, в противном случае, боги были бы оскорблены, если бы людей, избранных в качестве подношения, пришлось бы тащить силой, брыкающихся и кричащих, вверх по склону пирамиды или по направлению к алтарю. Исключением могли быть дети, приносимые в жертву мексиканскому богу дождя, поскольку их слёзы должны были вызвать долгожданные осадки. Определённая степень подчинения

жертвы гарантировалась обещанием ей будущей жизни в потустороннем мире в качестве вознаграждения. В Уре царский слуга обретал новую жизнь, если следовал за своим почившим хозяином; в Мексике пленников, захваченных в бою, называли «Детьми Солнца»: после того как они с достоинством встречали свою смерть на вершине пирамиды, их включали в свиту Солнца, и они следовали за этим божеством в его ежедневном путешествии по небесному своду.

Царящие в нынешнее время ошибочные теории сделали человеческие жертвоприношения ещё более загадочными и непонятными для современного исследователя. Например, существует убеждение, что в доисторическую эпоху подобные практики не совершались вовсе или же, в лучшем случае, в первобытных обществах ограничивались животными жертвами. Однако такие умозаключения отвергаются ведущими учёными. Сторонники вышеописанного взгляда на феномен жертвоприношения утверждают, что древний человек был невинен в этом отношении; лишь на более позднем этапе развития человечества развращённый горожанин стал предаваться порочной практике принесения в жертву богам себе подобных. Якобы такие обычаи служили на благо правящему классу: с одной стороны, это способствовало подчинению подданных, с другой — сокращалось число месяцев, в течение которых их приходилось кормить. Хотя я отвергаю радикальный взгляд на человека как на прирождённого убийцу, в дальнейшем мной будет приведено достаточно примеров, убедительно демонстрирующих, что ритуальный культ человеческой головы, связанный с идеей жертвоприношения, может быть прослежен в глубь веков, на десятки, если не на сотни тысяч лет назад.

Рассмотрим теперь ещё одно заблуждение, возникшее из упомянутого выше ошибочного представления. Существует мнение, что обычай приносить в жертву своих собратьев знаменует собой переходную фазу становления дикаря в цивилизованного человека. После прохо-

ждения этой жестокой ступени развития, в определённый момент человек избирает для себя некие морально-нравственные нормы и отказывается от кровавых ритуалов. Он заменяет человеческие жертвы животными и предметами, а позже денежными подношениями или же вообще отказывается от подобной практики, исходя из того, что боги благи по определению и их нельзя таким образом подкупить. Такой упрощённый взгляд был основан на слишком буквальном прочтении истории Авраама из Ветхого Завета. Согласно библейскому рассказу, Бог призвал Авраама принести в жертву своего любимого сына Исаака, который затем был спасён и заменён бараном, запутавшимся рогами в кустах. Одна из интерпретаций этого библейского сюжета гласит, что израильтяне, возможно сбитые с пути в Египте, первоначально приносили человеческие жертвы, но затем, на заре своей истории, узрели ошибочность такой практики и были побуждены своим богом приносить в жертву животных вместо людей. Однако современная наука интерпретирует последовательность событий по-другому. Как мы убедимся позже, истинный ход событий был противоположным. На ранних этапах своей истории евреи, по всей вероятности, приносили в жертву людей в ограниченном масштабе, до того момента как они вышли из Египта и вошли в Землю Обетованную. Но как только они осели там, ритуальные убийства не только не прекратились, но получили широкое распространение, по причине того, что евреи переняли практику сожжения детей у своих соседей-ханаанеев — мерзость, против которой не переставали выступать великие пророки.

С другой стороны, действительно известно множество случаев, когда животные или даже предметы заменяли людей в качестве жертв, но такие случаи не сводятся к какому-либо жёсткому правилу, согласно которому животные всегда занимали место человеческих жертв в «высокоразвитых» цивилизациях. В Китае Конфуций сетовал, что вместо деревянных кукол приносят в жертву лю-

дей; в Риме человеческие жертвоприношения сначала прекратились, но затем были возобновлены даже в большем масштабе ввиду возросшего влияния восточных культов, ставших популярными во времена Империи; в Африке были изобретены новые, доселе невиданные формы жертвенных обрядов с приходом на этот континент первых европейцев. Известны случаи, когда ритуальные убийства шли на убыль, а затем возрождались с новой силой, или же подобные практики носили постоянный характер в течение длительного времени, а затем их частота резко возрастала. Ацтеки являются в этом отношении показательным примером: они не изобретали жертвоприношения, и доказательством этому служит присутствие таких ритуалов у первых культур Мексики. Ацтеки просто развили их до немыслимого уровня, достигшего своего пика во время испанского завоевания. Во многих странах замена людей животными произошла по воле завоевателей из-за моря, христиан или, в некоторых случаях, мусульман. Людям не было предложено выбора: в Мексике они поклонялись богу своих завоевателей, а в Индии и Африке пришельцы велели им убивать коз вместо людей.

Итак, если мы допускаем, что животные или предметы действительно заняли место людей при жертвоприношении в большинстве мировых культур, тогда неизбежно возникает следующий важный вопрос: при замене человеческой жертвы на корову или, скажем, огурец оставался ли принцип обряда прежним или же вся концепция жертвоприношения искажалась до неузнаваемости? Если оставить за скобками случаи самопожертвования с благородной целью, как, например, спасение города или даже целого народа, различие в обрядовой части покажется скорее формальным, несущественным. Э. Эванс Притчард своим исследованием религии племени нуэр внёс неоценимый вклад в решение проблем в сфере изучения жертвоприношений. Он объясняет, что у этого скотоводческого народа южного Судана, чьи стада были ма-

лочисленны, животных просто не хватило бы для каждого из многочисленных случаев принесения жертвы. Такое ценное продуктивное животное, как корова, использовалось только в крупных церемониях, таких как похороны богатых членов племени; беднота брала для этих целей кастрированных козлов (в обрядах нуэров жертв мужского пола нужно было предварительно кастрировать). В случае, когда у богов просили о меньшей милости, или же ввиду отсутствия необходимого животного в качестве жертвы подносили местный вид огурца — небольшой узловатый плод. Этот овощ имел минимальную ценность, поскольку в обилии произрастал в диком виде, и в таких незначительных случаях, как дурной сон или акт кровосмешения, его считали вполне достаточной жертвой. При всём этом, чтобы сохранить иллюзию ценности данного дара богам, в контексте жертвоприношения не только кастрированного козла называли словом «ян»¹, «корова», но также и пресловутый огурец. С этим плодом дикорастущего растения обращались во всех отношениях как с животным и даже «убивали» его копьём. По тем же соображениям, как полагает Эванс Притчард, если бы люди, приносившие в жертву себе подобных, по каким-то причинам заменили бы их на скот, им пришлось бы изыскать способ компенсации уменьшения ценности жертвы, дабы снискать благосклонность своих богов.

Эта точка зрения находит поддержку среди таких авторитетов, как выдающийся библеист У. Робертсон Смит, который в своё время высказал смелое мнение о том, что нет никаких оснований предполагать, что в древности человеческая жизнь в качестве божественной жертвы имела большую ценность, чем жизнь овцы или верблюда (он писал о скотоводческих племенах в Израиле и в других регионах). Напротив, в соответствии с ключевыми представлениями, лежащими в основе семитских жертвоприношений, животные, вероятно, считались бы

---

¹ Evans Pritchard, стр. 202–203.

более чистым и совершенным даром². Если же мы обратимся к современным авторам, занимающимся этой темой, стоит упомянуть Жоржа Гусдорфа: он отказывается проводить чёткое различие между животной и человеческой жертвой³. Нередко людей и животных приносили в жертву вместе на одном алтаре одному и тому же боже-ству, чтобы получить одинаковые милости. Римляне, греки, викинги и друиды (и это далеко не полный список) проводили обряды, в которых человек и животное разделяли участь жертвы в ходе одной церемонии. Не подлежит сомнению, что стоимость коровы была гораздо выше, чем у маленького плода дикорастущего огурца, однако в некоторых случаях это животное могло представлять большую ценность, чем человеческое существо, например, раб, которого можно было купить вместе со скотом на рынке. Считать жизнь каждого человека священной — это современное понятие, которое вряд ли разделяли, например, англичане XVIII века, готовые повесить человека за кражу овцы, а также за множество других пустяковых проступков; а в других частях света человеческая жизнь ценилась ещё дешевле. Если внушить человеку веру в лучшую участь, уготованную ему в загробной жизни, он последует к жертвенному алтарю с таким же безразличием, что и козёл отпущения.

Европейцы, ставшие свидетелями человеческих жертвоприношений в разных частях Нового Света, всегда поражались тому граничащему с трансом спокойствию, с которым выбранная жертва встречала свою ужасную судьбу.

Нужно отметить одно из существенных различий между жертвоприношениями людей и животных, состоящее в том, что человека зачастую намеренно заставляли страдать непосредственно перед тем, как предать его смерти. Никому бы и в голову не пришло снимать скальп с жертвенного барана, хотя в Африке иногда практикова-

---

² Robertson Smith, стр. 361.

³ Gusdorf, стр. 76–77.

лось жестокое обращение с животными: в некоторых обрядах животных разрывали на куски, когда они были ещё живы, а затем съедали их сырое мясо.

Возникает резонный вопрос, независимо от того, использовались ли в обряде люди, животные или другие дары, каким основным целям должно было служить само жертвоприношение? Немецкий учёный Эдвард Вестермарк в своём обширном исследовании «Происхождение и развитие моральных идей», опубликованном на английском языке в 1906 году, перечисляет объекты жертвоприношений и приводит множество конкретных примеров, иллюстрирующих каждую категорию жертвенных даров. Особое место, несомненно, должно быть уделено древней практике погребения живых вместе с мёртвыми. Такие жертвы обычно были многочисленными, поскольку свита великого человека, отправляющегося в посмертное путешествие, должна была соответствовать его высокому статусу. Сожжение или погребение заживо вдов для сопровождения их мужей в загробном мире относится к той же категории, хотя это действие, если оно было добровольным, равнозначно самоубийству. Количество таких жертв было делом престижа; так, тело индийского раджи могли сжечь вместе с целым сонмом его жён и наложниц.

Также посредством жертвоприношений пытались обеспечить себе успех в войне. Финикийцы и их карфагенские соседи специализировались на этой форме подношений. Когда Карфаген оказался в отчаянном положении в ходе военного конфликта с Римом, знатные семьи отдали двести своих сыновей в жертву Ваалу. Предотвращение эпидемий было ещё одной насущной необходимостью: болезни обыкновенно считались наказанием богов. Скандинавы до обращения в христианство хоронили детей заживо, веря, что так они смогут остановить чуму. Такие жертвы могли служить сохранению жизни как отдельного человека, так и целого народа. Например, у инков детей от четырёх до шести лет убивали, чтобы вернуть здоровье правителя в случае его болезни.

Вообще, людей, приносимых в жертву для борьбы с болезнями, считали посредниками между миром людей и богов. В Бенине, в Западной Африке, верховный шаман после произнесения молитвы, в которой он просил бога Огиво отразить свирепствовавшую чуму, отдавал приказание рабам, которых собирались избить дубинками и привязать к жертвенному дереву: «Передайте наши мольбы Огиво. Поприветствуй его как следует»⁴.

Ещё одним видом жертвоприношения можно считать приготовление лекарственных снадобий из трупов мужчин или младенцев, специально убитых для этой цели; подобные случаи в Базутоленде (ныне Лесото) ещё в 1949 году привели к публичным судебным разбирательствам.

Другой весьма распространённой формой человеческого жертвоприношения был обряд захоронения взрослых или детей в фундаментах при строительстве зданий или под городскими воротами и мостами. Этот вид жертвоприношения коренится в древнем инстинкте, естественной реакции, выраженной в страхе перед чем-то новым, несущим неизвестность и неопределённость. Закладка нового здания — это, кроме всего прочего, вторжение во владения местного духа, которого нужно умиловить человеческой жертвой во избежание его гнева. Кроме того, такой покойник становится хранителем здания, под которым он похоронен. Существуют свидетельства очевидцев о том, что при строительстве города Та-вой на юге Бирмы в каждую яму для столбов-опор помещали преступника. Бирманцы верили, что принесённые в жертву станут духами-хранителями⁵. Подобного рода жертвоприношение было также широко распространено в Европе. В 1960 году Вестермарк написал об обнаружении скелета ребёнка в фундаменте под воротами при сноссе Бременского моста. Согласно преданию, при основании в Уэльсе крепости Динас Эмрис жрецы-друиды ука-

---

⁴ Westermarck, стр. 464.

⁵ Там же, стр. 464.

зали вождю Гортигерну, что он должен найти ребёнка, отец которого неизвестен, предать его смерти и окропить невинной кровью землю, на которой и должна была быть построена цитадель⁶.

Замыкают этот список подношения, так или иначе связанные с культом плодородия и страхом перед голодом. Подобные обряды подразумевали окропление пашни человеческой кровью или закапывание кусочков человеческой плоти на полях перед севом. Такая практика сохранялась вплоть до XIX века среди некоторых племён Индии, которые специально для этой цели выращивали и откармливали людей с последующим принесением их в жертву. К этой же категории относятся и жертвоприношения речным богам, поскольку приносимая ими вода была необходима для роста растений. Этот класс подношений включает в себя обряды, направленные как на обеспечение обильного урожая, так и на повышение фертильности у женщин. Людей приносили в жертву не только ради сохранения уже существующих жизней, но и для того, чтобы поспособствовать появлению в мире новых существ. В представлении древних народов бесплодие являлось видом стихийного бедствия, злом, которое намеренно не давало родиться новому поколению. Логическим выходом из сложившейся ситуации было отдать в качестве выкупа уже рождённых младенцев за тех, чьи души удерживались в потустороннем мире; обычно с этой целью приносились в жертву дети-рабы. В некоторых странах, например в Индии, эта практика доходила до крайности: если у женщины был один сын и она хотела иметь ещё, первенца убивали, предполагая, что тогда боги пошлют несколько сыновей взамен отданного им в жертву. В некоторых племенах австралийских аборигенов мать убивала и съедала своего первого ребенка, дабы обеспечить себе в будущем многочисленное потомство. Практика принесения в жертву первенцев как животных,

---

⁶ Там же, стр. 462.

так и людей не была редкостью; об этом упоминается в Ветхом Завете.

Несмотря на то что мною было приведено понятие жертвоприношения и определены его типичные цели, такие разъяснения не затрагивают механизм, лежащий в основе этого акта; они не дают объяснения, как и почему конкретный обряд должен был привести к желаемому результату. На протяжении многих тысячелетий богам приносились в жертву гекатомбы людей и животных, горы фруктов и овощей, реки вина и молока, а также бесчисленное количество предметов, начиная от драгоценных камней и заканчивая дешёвыми статуэтками. Взамен боги должны были предотвращать голод, останавливать эпидемии, охранять здания, заботиться об усопших, приумножать урожай и дарить победы в битвах. Получение милостей от богов было вопросом времени или же количества и ценности подношений: рано или поздно дожди возобновлялись, а наводнения и эпидемии шли на убыль. Сложнее дело обстояло с победой в сражении, так как, очевидно, она была недостижима одновременно для обеих сторон военного конфликта.

Хотя эти внешние цели кажутся крайне простыми, возникает вопрос, является ли жертвоприношение, человеческое или животное, чем-то большим, чем просто прямой сделкой, в ходе которой божественное благоволение покупается по установленной цене. Такая теория «дара» как единственной цели жертвоприношения преобладала во второй половине XIX века, даже несмотря на то, что «дар» — не совсем точный термин для обозначения подношения, больше похожего на выкуп. Позднее были выдвинуты иные идеи, которые впоследствии помогли более ясно объяснить природу процессов, лежащих в основе жертвенного акта. Среди более ранних теоретиков стоит особо отметить фигуру У. Робертсона Смита. В своей классической работе «Религия семитов», опубликованной в 1894 году, он смог значительно продвинуться в этом вопросе. Смит считал, что жертвоприношение вос-

ходит к тем временам, когда люди поклонялись тотемам, то есть определённым животным или растениям, с которыми каждое племя идентифицировало себя. Жертвоприношение было направлено на укрепление связей между человеком и богом путём убийства тотемного животного, которое виделось древним людям одновременно богом и предком племени. Тотемизм постепенно исчез, дольше всех сохранившись среди племён австралийских аборигенов. Когда же божество приобрело в глазах людей антропоморфный образ, они начали убивать себе подобных. Таким образом, для Робертсона Смита животная жертва изначально стояла выше человеческого жертвоприношения.

Представленная в «Золотой ветви» сэра Джеймса Фрейзера концепция об убитом боге, смерть которого сопряжена с аграрным циклом, во многом обязана учению Робертсона Смита. Суть остаётся всё той же: умирающий бог для Фрейзера больше не является животным символом своего племени, но обладает человеческим обликом. Не лучший, а король как представитель своего народа должен быть подвергнут ритуальному убийству. Фрейзер делал на этой теме особый акцент, ввиду чего многие антропологи считают её гипертрофированной. Однако именно Фрейзер снискал большее расположение у широкого круга читателей, очарованного яркими образами его талантливой прозы.

В 1909 году два французских учёных, А. Юбер и М. Мосс, опубликовали работу *Mélanges d'Histoire des Religions*, в которой был предложен несколько иной подход к феномену жертвоприношения. По мнению Юбера и Мосса, многообразные формы жертвоприношения не могут быть объединены по произвольно выбранному принципу или же сведены к простым бартерным отношениям между человеком и божеством. Жертва служит посредником, её заклинание оказывается средством установления связи нашего «профанного» мира с «сакральным». Они обратили более пристальное внимание на сам ритуал. Ни сам жертвователь, ни его жертва не были изначально

освящены; только обряд очищал и изменял их состояние таким образом, что бог мог войти в жертву. Отсюда важность как самого жреца, который один знал, как это устроить, так и совершаемых им особых ритуальных действий (например, возложения рук), посредством которых жертва становилась частью божественного, а сам жертвующий приводился в состояние союза со своим богом.

Эдвард Вестермарк больше занимался исследованием жертвоприношений людей, чем животных; он также внёс значительный вклад в данную тему. Хотя он пришёл к выводу, что человеческое жертвоприношение действительно служило даром, позволяющим отразить зло, он так же, как Юбер и Мосс, отказывался признать, что в своих высших формах в его основе лежал примитивный принцип «даю, чтобы получить». Обряд, в котором один умирал за многих, являл собою скорее акт искупления, в котором жертва служила для отражения гнева бога против всего человеческого рода, а не просто для спасения отдельно взятого сообщества от конкретного бедствия или для получения единовременного благословения. Вестермарк называет «несостоятельным» утверждение Фрейзера о том, что центральной темой жертвоприношения является кормление богов, дабы те, в свою очередь, могли ниспослать обильный урожай. В подтверждение этого немецкий учёный приводит множество примеров жертвоприношений среди разных народов, от Перу до Западной Африки, в ходе которых людей убивали с целью обеспечить богов не пищей, но прислужниками, или же просто приносили в жертву тех, кто каким-либо образом прогневил божество. Вестермарк подчёркивает отсутствие какого-либо изначального жестокого умысла в таких ритуалах:

«Я полагаю, что существует достаточно доказательств того, что когда люди приносят в жертву своим богам жизни собратьев, они делают это, как правило, в надежде спасти тем самым свою собственную. Человеческое жертвоприношение — это, по сути, способ страхования жизни, абсурдный с нашей точки зрения, но оно ни

в коем случае не является актом бессмысленной жестокости. Когда это делается на благо общества или в случае масштабного бедствия, это едва ли более жестоко, чем практика смертной казни на основании социальной целесообразности или смерть тысяч людей на поле боя во имя своей страны. Обычай человеческих жертвоприношений допускает, что жизнь одного человека отнимается для спасения жизней многих или что низший по статусу член сообщества предавался смерти с целью предотвращения смерти того, кто имел более высокое право на жизнь. Конечно, случалось, что царя или вождя приносили в жертву во времена голода или эпидемии, но тогда он, вероятно, нёс личную ответственность за обрушившееся на его народ бедствие. Очень часто жертвами становились военнопленные и иные чужеземцы, рабы или преступники, то есть люди, чья жизнь не имела для социума большой ценности. И во многих случаях это были единственные жертвы, допускаемые таким обычаем»⁷.

По мнению Вестермарка, жертвоприношение по умолчанию порождено иррациональным страхом перед оккультными силами, действия которых человек не может постичь и которые держат его в своей власти; они с равным безразличием осыпают его голову то проклятиями, то благословениями. Чтобы завоевать благосклонность этих неведомых сил, необходима некая форма первоначального взноса, как он метко выразился, «в виде полиса страхования жизни». Таким образом обеспечивается защита от внезапного гнева божества, принимающего форму, скажем, неурожая, а в долгосрочной перспективе приобретение таких благ, как, например, защита здания в течение всего срока его службы. Но жертвоприношение имеет и более общую цель: регулярное выполнение определённых ритуалов обеспечивает достижение тесной связи с божеством, переход под его покровительство.

---

⁷ Там же, стр. 466.

Современные исследователи в целом разделяют вышеуказанные взгляды, с разницей лишь в акцентах на тех или иных деталях. Многие из новейших работ в этой области принадлежат французским антропологам. Величайший из них, Клод Леви-Стросс, категорически отвергает точку зрения, согласно которой у примитивных племён жертвоприношение было сосредоточено исключительно на их тотемном животном; он настаивает на том, что выбор жертвы не ограничивался одним видом животного, а был продиктован условиями среды⁸.

В своей статье 1948 года Жорж Гусдорф не отвергает раннее представление о жертвоприношении как о своего рода подати, выплачиваемой богам, и в то же время он согласен с точкой зрения Юбера и Мосса⁹. Гусдорф определяет жертвоприношение как «религиозный акт, имеющий целью восстановить утраченный союз между священным и мирским»¹⁰. Таким образом, он считает, что все формы подношений образуют связь между двумя противоположными принципами — сакральным и профаническим. Кроме того, Гусдорф избегает какого-либо чёткого разграничения между жертвоприношением животных и человеческих существ. Он объясняет, что высший дар, который может предложить человек, — это он сам или ему подобные. Животные или предметы — это такие же дары, просто имеющие меньшую ценность. Новизна взгляда Гусдорфа заключается в признании психологического воздействия обряда на тех, кто принимает в нём участие, — как на жертву, так и на жертвующего. Он описывает подобный опыт как своего рода «освобождение», которое возвращает человека или общество в состояние равновесия. Гусдорф приводит пример царя Давида, который, предлагая своего сына¹¹ в качестве покая-

---

⁸ Lévi-Strauss, стр. 196–197.

⁹ Gusdorf, стр. 75–81.

¹⁰ Там же, стр. 69.

¹¹ Видимо, имеется в виду история царя Давида и жены Урии, Вирсавии, от которой у него родился ребёнок. Давид вынужден был признать всю отвратительность своего греха в тот самый день, когда его плод появился на свет. **Ц**

ния за свой грех, тем самым восстанавливает свою нравственную чистоту. В этом аспекте жертвоприношение становится актом созидания, а не разрушения: жертва и жертвующий объединяются в стремлении создать лучший мир.

Наиболее примечательное современное исследование данной тематики принадлежит французскому учёному Рене Жиару. В 1971 году он опубликовал книгу «Насилие и священное», в которой бросает вызов прежним представлениям и вместе с Гусдорфом настаивает на том, что объяснять феномен жертвоприношения просто даром или даже актом общения с божеством — значит упускать из виду саму суть. Жерар сосредоточился на идее того, что он называет «жертвенным кризисом», который зреет в обществе и может быть разрешён только путем пролития человеческой крови: «В китайской "Книге обрядов" утверждается, что у жертвоприношений, музыки, наказаний и законов одна и та же цель — объединять сердца и устанавливать порядок»¹².

Жиар утверждает, что в примитивных обществах, в отсутствии полноценной судебной системы, с их законами кровной мести, после спонтанного убийства одного из соплеменников для облегчения социального напряжения и предания чувства единства вводится в действие принцип «око за око и зуб за зуб». Единственный способ положить конец насилию — прибегнуть к ещё большему насилию путём эскалации конфликта. Социальная структура таких доисторических сообществ ещё достаточно хрупка, и её укрепление являлось жизненно необходимой задачей. По мнению французского учёного, в отсутствие надлежащего кодекса гражданского права насилие и ответное насилие в виде мести воспринимались частью божественного порядка, что обуславливало рекурсивное

том, на седьмой день жизни, ребёнок умер; а за день до этого он был обрезан, и ему дали имя. Грех Давида был забыт и его последствия сглажены. Теперь Бог охотно признал Вирсавию женой Давида и благословил этот союз, тогда как прежде она считалась женой Урии. — *Прим. пер.*

¹² Girard, стр. 23.

или самоповторяющееся поведение. Таким образом, по Жерару, ввиду наличия неудовлетворённой агрессии, напряжение в первобытном обществе достигало своей критической массы, «жертвенного кризиса», требующего искупительной жертвы. В качестве примера он приводит древние Фивы времён правления царя Эдипа. На город обрушивается эпидемия чумы. Пытаясь найти причину морового поветрия, жители Фив обращаются к дельфийскому оракулу, который говорит о необходимости найти и изгнать убийцу царя Лая. Поиск убийцы доводит Эдипа до горькой истины: убийца Лая — он сам, Лай был его отцом, а его супруга Иокаста — на самом деле его мать. Итак, Эдип в качестве «жертвы отпущения» отправляется в изгнание, что почти эквивалентно смертному приговору в греческом полисе. Вследствие такой жертвы напряжение в социуме спадает, и кризис разрешается. Жирар связывает этот бесконечный процесс возникновения кризиса и его разрешения с общечеловеческим мифом о первом акте насилия, который впоследствии приходится снова и снова воспроизводить. Французский мыслитель разделяет фрейдистский взгляд на первобытное преступление, очищенное повторяющимися ритуалами, хотя и отвергает утверждение Фрейда о том, что деяние это всегда сопряжено с отцеубийством и инцестом (как в Фивах).

Современные исследователи, хотя и не отвергают окончательно идею жертвоприношения как дарственного обмена с богами, усматривают более глубокий смысл в практике лишения человека жизни ради спасения других. Но две предполагаемые цели жертвоприношения — питание богов и ослабление напряжённости в обществе — вовсе не являются диаметрально противоположными. Румынский ученый Мирча Элиаде предпринял попытку преодолеть разрыв между ними. Как и Жирар, он предполагает, что у примитивных народов кровавые жертвоприношения восходят к первоначальному акту, в котором чудовище было убито и разделено на части, из которых впоследствии создаётся космос. В мифах многих

народов человек является тем же, чем он является и сегодня: смертным, сексуализированным существом, обречённым добывать себе пропитание тяжким трудом вследствие первородного греха, связанного с убийством, в котором пострадало некое божественное существо, представленное мужской, женской, а иногда и детской фигурой. Чтобы удовлетворить потребность первых людей в еде, тело этого божественного существа было превращено в пищу, а его душа отправилась в Царство Мёртвых, откуда каждый год она возрождается¹³. Акт жертвоприношения не только восстанавливает общее равновесие общества, воспроизводя первоначальный акт насилия, но в то же время удовлетворяет конкретные людские потребности, созданные этим актом, в частности, посредством ниспослания богами обильных урожаев. И неурожай, и социальный разлад представляют собой страшную угрозу космическому порядку, который, таким образом, должен поддерживаться либо в ходе единственного акта самопожертвования, либо массовыми жертвами с наполнением до краёв каменных сосудов трепещущими человеческими сердцами. Во всех случаях ритуал представляет собой средство достижения благородной цели всеобщего блага.

В обмен на своё покровительство боги требовали для себя высшую жертву — человеческую жизнь. Однако же они были вынуждены довольствоваться меньшим, когда в некоторых обществах соплеменников переставали считать просто движимым имуществом или средством примитивного обмена.

+++

---

¹³ Eliade, *The Sacred and The Profane*, стр. 100.